

Ева Малити Франёва

Перевод Нины Шульгиной

УСТАЛАЯ МЕДЕЯ

(пьеса из литературной жизни)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Медея, писательница сорока пяти лет, впоследствии пятидесятипятилетняя, у нее рыжие волосы, носит шляпы.

Марек, поэт двадцати пяти лет, впоследствии тридцатипятилетний, длинноволосый, ходит в рокерском черном плаще.

Мать Медеи, семидесяти трех лет, на редких волосах – завивка.

Др. Бегул, адвокат, родственник Марины Бегуловой, семидесяти лет.

Марина Бегулова, покойный классик литературы, у нее прилизанные седые волосы.

Поэт Лукаш, товарищ Марека, высокий мужчина.

Старый критик.

Молодой критик.

Авторы.

Год возникновения: 2007.

Писательница Медея живет уединенно с матерью, целиком отдаваясь литературному труду. Это тип невропатичной и неудовлетворенной собой интеллектуалки. Ею движут неполноценная женская судьба и упорное желание пробиться в литературный мир. Противоречивое имя отсылает нас к образу трагической античной героини, волшебницы Медеи, но на самом деле оно образовано от слова «мёд» и должно было стать просто атрибутом *сладкой* женщины. Тема этой театральной пьесы, выстраивающая ее действие, сосредоточена на вопросах эстетического и этического порядка: на художественном стиле и на позиции автора. С одной стороны - на его отношении к литературной критике, к тем арбитрам, которые в своих определениях и оценках произведения, пусть даже антитоталитарной направленности, упорно отстаивают приоритет традиции. С другой стороны – на ощущении угрозы, исходящей от новых форм компьютерных текстов и творчества авторов, не связанных с традицией вовсе.

В пьесе на фоне борьбы старого с новым слово становится предметом спора, ибо слово можно украсть или сфальсифицировать. На первый взгляд перед нами детективная пьеса, где в

центре действия - чемодан покойного классика литературы, из которого якобы была украдена рукопись появившегося затем фальсификата. Др. Бегул, племянник Марины Бегуловой, обвиняет в уголовном преступлении Медею и подает на нее судебный иск. Писательница, склонная к невропатии, воюет с несправедливым обвинением и при этом утопает в алкоголе.

До сцен алкоголизма Медеи пьеса может быть воспринята как удручающая история графоманского фанатизма, граничащая с маниакальностью, или как некий возможный образ психастенического автора, предлагаемый для пушей таинственности детектива... Но пьесу можно прочесть и как трагическую любовную историю стареющей чудаковатой Медеи и молодого, обаятельного, глубоко человеческого поэта Марека. Борьба за авторство, которому Медея подчинила свою жизнь, абсолютно разрушает ее любовь и ее самое.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

МЕДЕЯ И ПОЭТЫ

Ночь. Пустая темная гостиная. Открывается входная дверь, но внутрь никто не входит. В темном коридоре разговаривают мужчина и женщина, за ними стоит какой-то человек огромного роста и что-то бубнит себе под нос. Это Медея и Марек, а за ними Лукаш, товарищ Марека. Марек и Лукаш в хорошем настроении, Лукаш пьян в стельку. Все они пришли из клуба писателей.

М е д е я . Ну, ребята, до свиданья. Я уже дома, можете идти.

М а р е к . погоди, Медея, ты хочешь нас спровадить? Не видишь разве, в каком он состоянии?

М е д е я . Ну а в каком? Немного выпил. Дома и проспится.

М а р е к . Но Луки не может идти домой, жена у него – зверь. Скульптор. Представляешь, какая у нее силища?

Лукаш что-то бубнит, повисив голос.

М е д е я . Нечего было пить столько – не трусил бы.

М а р е к . Ты понимаешь, что говоришь, Медея! Человек издал книжку, ну и выпил на радостях... А разве скульпторша не обрадуется, когда закончит свою скульптуру? Да к тому же не будет бояться побоев, потому как Лукаш добрая душа, мухи не обидит... Ну не глупи,пусти нас. Сделай хорошее дело. Покажи... *(Он заглядывает в темную гостиную.)* Это ведь твое гнездышко? Как же тут мило, хотя ни зги не видать...

М е д е я . Марек. Возьми, прошу, своего приятеля и отведи его домой, пока он еще в состоянии волочить ноги. Смотри, ведь у него совсем язык заплетается, ногами кренделя описывает...

М а р е к . Ничего особенного, ему нужно только кофе выпить. Свари ему кофе, и он сразу будет как стеклышко.

М е д е я . Ты соображаешь, что говоришь? В два часа ночи? Какой тебе кофе? В доме все спят. А вы тут расшумелись. *(Лукаш громко что-то бубнит.)* Слышишь? Пойми, лишние разговоры мне ни к чему ... В этом доме любят всем косточки мыть, ясно?!

М а р е к . Не бойся, он будет ниже воды, тише травы. От тебя ничего не требуется, только сварь нам немного кофе. Выпьем по чашечке, и ищи ветра в поле...

М е д е я . Еще чего! Какой кофе? Два часа ночи! Да вас потом и не выпроводишь, будете тут торчать до утра. А мне надо выспаться, я хочу завтра работать. Нет, нет, ступайте!

М а р е к . Пойми и ты меня... Я хочу всего лишь одну чашечку кофе. Я люблю кофе, и это все.

М е д е я . И я люблю кофе, но...

М а р е ксвобода тебе дороже всего.

Наступает тишина.

М е д е я . Что ты мелешь? При чем тут свобода? Кто сказал «свобода»? Что за бессмыслица?

М а р е к . Я сказал. Медея, у тебя тут темно, хоть глаз выколи. Зажечь свет?

Он входит в квартиру, идет к торшеру. Лукаш плетется за ним.

М е д е я . Ради Бога, не зажигай эту лампу! Мы ее никогда не зажигаем...

Марек зажигает лампу, раздается взрыв. Лукаш вздрагивает, громко вскрикивает. В темноте спотыкается о кресло и падает в него. Медея хватается за голову.

М е д е я . Надо же! Соседи наверняка проснулись, сейчас начнут нам названивать, или вызовут полицейских, дескать, нарушен ночной покой!

М а р е к . Пускай звонят, если им хочется. Выбило пробки... Где у вас ящик?

М е д е я . Там, наверху в коридоре.

Марек в коридоре включает пробки. Открываются двери соседних квартир, кто-то ругается.

М а р е к . Трали-вали-мы пахали! Порядок! *(Он доволен собой.)* Невероятно, но факт.

В гостиной зажигается свет.

М е д е я . А теперь побыстрее прячься! *(Марек вбегает внутрь, Медея закрывает дверь.)* Они меня заклюют, знаешь, что такое нарушить сон человеку?! За это и убить можно. Ни к чему это, но так мне и надо! Уж Марикова точно вывесит меня на доску позора... *(Усмехается.)*

М а р е к *(машет рукой)*. Когда-нибудь исправлю эту лампу, увидишь, будет гореть, как новая. Но мне потребуются инструменты, тут, видать, серьезное предательство. Без меня к этой лампе лучше не дотрагивайся! Я вытащил шнур из розетки.

М е д е я . Предательство?! Что ты имеешь в виду? При чем здесь предательство? Сперва свобода, теперь предательство... Думаю, что...

М а р е к . Не кажется ли тебе, Медея, что ты много думаешь, а это вредно. О настоящих вещах не размышляют. Например, о любви...

Медея удивленно смотрит на него.

М а р е к . И о кофе тоже. Кофе черный, как ночь, и сладкий, как любовь.

М е д е я . Так говорят про арабский кофе.

М а р е к . Арабский или турецкий, да хоть какой угодно был бы сейчас в самый раз. Сейчас это была бы единственная настоящая вещь, а все остальное – пустой звук.

Лукаш в кресле радостно начинает хмыкать.

М е д е я . Ну, хорошо, так и быть, сварю вам кофе, яд...

Гостиная обставлена мебелью 60-х годов, посреди комнаты массивное кресло, обращенное к телевизору. Сейчас в кресле отдыхает обессиленный Лукаш. На стене старинные настенные часы, показывающие два часа ночи. Сбоку длинный столовый стол со стульями. Медея, которая все еще в шляпе, сбрасывает ее. Марек снимает свой черный плащ рокера.

М а р е к *(потирает руки)*. Кофе это вещь! Маленькая чашечка на ночь! *Piccolo nocturno!* *(Понижает голос.)* Постой, здесь кто-то есть?

М е д е я . В каком смысле?

М а р е к . Ну, какие-то люди?

М е д е я . В этой квартире со мной живет только мама, но она на водах. *(Смеется.)*
Собственно со мной живет не мама, а чудила.

М а р е к . Почему «чудила»?

М е д е я . Чудилой прозвали ее на водах потому, что там начал приударять за ней один ухажер, а она сходу дала ему от ворот поворот, хотя человек он был симпатичный, славный ... Но Бог с ней, с мамой. Садись, Марек.

М а р е к *(озирается, садится на стул)*. Сюда?

М е д е я . А куда же еще? Кресло занято. *(Указывает на Лукаша.)*

Медя в ближайшую дверь проходит в кухню. Марек вытаскивает из-под плаща недопитую бутылку вина, ставит ее на столик.

М е д е я *(из кухни)*. Так или иначе, но она в самом деле чудная.

М а р е к . Кто?

М е д е я . Мама.

М а р е к . А что в этом такого? Все в норме. В определенном возрасте любой человек с чудинкой. А у кого ее нет, тот всего лишь притворяется нормальным. У каждого даже нормального человека в определенном возрасте обязательно появляются заскоки.

М е д е я *(выходит из кухни)*. Откуда ты взял? Ты и впрямь семи пядей во лбу. Но знай, я постараюсь сделать все, чтобы оставаться до конца жизни в норме. Это точно, если, конечно, мне суждено дожить до определенного возраста, как ты говоришь... А может, я уже дожила до него? А в общем, чудак – он и отроду так, это не зависит от возраста. К примеру, мама. Она всегда была с чудинкой.

М а р е к . И ты будешь с чудинкой, Медя, и принимай это как должное.

М е д е я . А ты уже сейчас чудаковатый. Ты обыкновенный молодой чудик и говоришь как... Много болтаешь, милый. Ну да ладно, какой кофе ты хочешь? Растворимый сойдет? *(Видит бутылку.)* А это что? Откуда это у тебя?

М а р е к . На столе стояла.

М е д е я . Но на соседнем. Свою мы всю выпили.

М а р е к . Бутылка была ничья.

Медя. Как так? Пили два критика, потом они пошли к авторам. Наверняка в клубе кто-то заметил тебя. Черт подери, теперь ты напрочь все угробил! Когда выйдет мой роман, меня смешают с грязью, живого места не оставят. Всегда будут помнить, что из-за меня лишились вина!

М а р е к . Н-да, память – вещь серьезная. Но их никто не лишил вина. Это была ничейная бутылка, да и вино было ничье.

М е д е я . Ну ладно, упрямец, тебе хоть кол теши на голове! В общем, дело ясное – всю эту историю ты просто выдумал, чтобы написать стихотворение. Ничье вино, ничья бутылка... Это можно неплохо срифмовать. Например:

В ничьей бутылке ничье вино,
И грех ничей стал ничей виной,
А погибель моя – ты иль алкоголь,
О, зеленый змий – ты и радость и боль.

М а р е к . Нет, я не алкоголик. Да и Лукаш тоже, чтоб ты знала.

М е д е я (*насмешливо*). Конечно, вы же поэты. А стих без алкоголя человек не сложит. Если не сложит его алкоголь. (*Марик мрачнеет.*) Нет, нет, я хочу сказать – если не сложит его какой-нибудь автомат. К примеру, компьютер...

Лукаш начинает стонать. Медея приносит две чашки кофе и третью порцию в большом кофейнике. Марек вливает кофе прямо в рот Лукашу. Лукаш поначалу сопротивляется, ворчит, отворачивается, но кофейный аромат оживляет его, и он начинает с удовольствием пить.

М а р е к . Ну так, пей, пей... Видишь, он приходит в себя. Жить будет. (*Когда Лукаш допивает свой кофе, Марек отходит от кресла и снова садится на стул.*) Медея, знаешь ли ты, что мы с тобой давно знакомы?

М е д е я . Ты что! Сегодня я вижу тебя впервые в жизни.

М а р е к . Нет, нет, мы встречались десять лет тому, у Антоновского, ты что, не помнишь?

М е д е я . Ты меня с кем-то путаешь, я никогда у него не была.

М а р е к . Была, точно. В те годы все ходили не в клуб, а к Антоновскому. Помню точно, тебя называли Медеей. Шляпы тогда у тебя не было, и волосы были... не помню, какие...

М е д е я . А ты?

М а р е к . Я сидел в углу, пятнадцатилетнее поэтическое ухо. Меня тогда называли маленьким поэтом с большими ушами и говорили, что однажды я буду великим поэтом. А там был уже один признанный поэт, у которого были фантастически большие локаторы. (*Смеется.*) И в тот вечер я в тебя втюрился.

М е д е я . Ты?

М а р е к . Да, в тот вечер и навсегда. У меня это так.

М е д е я . Я принимаю это как метафорический образ.

Они смеются, пьют кофе. Закуривают. Медея приносит два бокала для вина и просит Марека наполнить их. Они пьют, курят.

М а р е к . Медея, а откуда у тебя это имя? Медея...

М е д е я . У меня был дед пчеловод. Когда я родилась, он придумал для меня имя Медея. Оно показалось ему оригинальным.

М а р е к . Античная героиня Медея... была волшебница. Соблазнила Язона и ради него убила собственных детей. А у тебя, Медея, такая же склонность к убийству? Ты могла бы убить? Детей или, к примеру, молодых любовников...

Медея. О, я абсолютно миролюбива. Я активно борюсь против насилия, и эту вашу скульпторшу, что дубасит своего подвыпившего мужа, я предала бы самому суровому суду. Я люблю хорошую погоду и обожаю сладости. Когда мой дед давал мне имя, он думал только о меде и ни о чем больше. *(Лукаш бубнит что-то, а под конец членораздельно произносит слово «чудик».)* А вообще-то я не совсем искренна, у меня здесь что-то пошаливает *(указывает на голову)*, и тогда я уже за себя не ручаюсь. Тогда лучше держаться от меня подальше.

М а р е к . Я так и думал.

Медея смеется. Потом умолкает.

М е д е я *(после молчания)*. Ну, что ты надумал?

М а р е к . Я хотел сказать кое-что другое. В твоём имени есть беспокойство. Ты беспокойная душа, Медея.

М е д е я . Скажем, скорее невротичная.

М а р е к . Это я полный невропат.

М е д е я *(изгииво)*. А я неврастеничка – кто больше?

М а р е к . А я параноик.

М е д е я . Почему – параноик?

М а р е к . Откуда я знаю? Ты же сказала, что я молодой сумасброд.

М е д е я . И еще к тому же kleптоман. Крадешь у критиков вино...

М а р е к . Да ведь они чудовищны. Подумай, я издал два сборника, и ни ответа, ни привета. Я не утверждаю, что создал что-то великое, но в этом все-таки что-то есть. Там у меня целый венок сонетов. А во второй сборник я включил один оригинальный цикл - такого я нигде еще не встречал. Но критики завистливы, каждый критик поэзии хотел бы стать поэтом. Но для этого надо иметь талант, который у критиков отсутствует начисто. Впрочем, они и не хотят его иметь. Поэзия не прибыльна, дело известное. Я просто зол на них, понимаешь, Медея.

И когда я украл у них вино, это было им всего лишь маленьким предостережением. За то, что, кроме них, меня никто не знает.

М е д е я . Да ведь и меня никто не знает, хотя пишу я прозу. Даже роман, я ведь говорила тебе, что приближаюсь к концу... Ну и что с того? Сейчас о другом пишут.

М а р е к . О чем же другом? А твой роман о чем, кстати?

М е д е я . Об одной женщине. И о вещах, которые я не совсем понимаю, но хотела бы их понять с помощью текста.

М а р е к . А это как?

М е д е я . Как бы тебе объяснить... Речь идет прежде всего о любви.

М а р е к . Ты не понимаешь, что такое любовь?

М е д е я . Нет, не то... Ты опять меня извращаешь, ты совершенно не воспринимаешь смысл моих слов. Я все-таки устроена иначе, чем ты. Ты видишь только себя и свое стихотворство. Видимо, хочешь стать живым классиком, или что?

Лукаш в кресле начинает кашлять.

М а р е к . Нет, если откровенно... хочу удивить мир. А что еще я мог бы хотеть?

М е д е я . Удивить мир? Стихотворством? Я тоже когда-то думала, что это возможно, но это бред, сушая ерунда. И не только из-за языка, который понятен только нам... Нынче никого не занимает то, что ты пишешь. Все уже было написано, весь мир был описан, сверху донизу, справа налево... Мир перестал быть интересным. Писатели описали все, что мы знаем о мире, для будущих поколений... Это и есть, как говорится, меседж писателя.

М а р е к . Возможно, писателя-графомана, но определенно не поэта.

М е д е я . Сейчас пишут одни графоманы. Во всяком случае – большинство. Что же касается меня, я пока стараюсь держаться подальше от графомании, но думаю, через какое-то недолгое время перестану убеждать себя самоё и признаю, что я тоже графоманка. А ты?

М а р е к . Я поэт, поэзия исключает графоманию... Впрочем... я тоже в какой-то степени графоман... хотя бы уже потому, что непрерывно пишу.

Лукаш сильно закашливается и встает с кресла. Он кажется совершенно окаменелым, точно пражский Голем. Марек подскакивает к нему.

М е д е я . Что с ним?

М а р е к . Да ничего, заработала возвратная циркуляция... Кофе пробежал по телу и теперь возвращается назад... Совершается кофеобращение... Успокойся, пожалуйста!

М е д е я . Нужна немедленная помощь!

М а р е к . Где у вас ванная?

Медея жестом руки указывает на ванную. Марек тащит туда товарища. Лукаша рвет. Спустя минуту они возвращаются. Марек снова усаживает товарища в кресло. Лукаш засыпает.

М а р е к . Вот и все, как видишь. Уснул. Утром будет, как стеклышко.

М е д е я . Но сейчас вам действительно пора уходить!

М а р е к . Уходить, когда он так спокойно отдыхает? Если ты писатель, прояви хоть немного человечности. Прежде всего ты обязана быть гуманистом, это твоя миссия. Не волнуйся, рано или поздно мы уберемся отсюда.

Медея, вздохнув, кивает.

М а р е к (*пьет вино, рассудительно*). Видишь ли, я уже ничему не удивляюсь. Иногда мне кажется, что я уже не могу даже мечтать. У меня нет желаний, словно я и не человек вовсе.

М е д е я . Что ты выдумываешь? Ты же сам говорил, что хочешь удивить мир. А что ты найдешь в нем? Ну, удивишь его, а дальше что?

М а р е к . Кое-что все-таки будет. Возможно, там будет слава. А глядишь, и премии... К примеру, дадут Нобеля! (*Медея смеется, Лукаш бормочет.*) А может, деньги...

М е д е я (*пораженно*). Что?!

М а р е к . Ты представляешь, сколько мне надо денег? То есть это для меня не смысл жизни, конечно, а пойми, путь к свободе.

М е д е я . Ну, ясно! Это то самое предательство, о котором ты говорил. У тебя просто нет денег...

М а р е к . Нет, но, возможно, будут. Напишу Гарри Поттера и разбогатею. Да, не скрою, у меня финансовые трудности.

М е д е я . Тебе деньги нужны?

М а р е к . А ты как думаешь? Поэзией сыт не будешь. Впрочем, это уж не так важно. Важны другие вещи, что где-то между небом и землей.

М е д е я . А что именно?

М а р е к . Знаешь, я дам тебе мой сборник, чтобы ты лучше меня узнала. Или посвящу тебе стихотворение.

Медея задумчиво смотрит на него.

М е д е я . Прочти что-нибудь.

М а р е к . Что?

М е д е я . Да что-нибудь из твоего сборника.

М а р е к . К чему это? Я не умею декламировать...

М е д е я . А что если ты вообще не поэт? Что если ты обманщик, или... если вы двое договорились, а на самом деле вы обыкновенные жулики. А я впустила вас в квартиру. А что если вы убийцы?

М а р е к . Брось, мы поэты. Хорошо, прочту тебе одно стихотворение. Оно называется...
(Замолкает, размышляет.)

М е д е я . Ты не помнишь, как называется твое стихотворение?

М а р е к . Оно называется... Стихотворение про Медею.

Л у к а ш (вскрикивает). Чудила!

Он поднимается с кресла. Шагает словно Голем к двери.

М а р е к (кричит ему вдогонку). Ты куда, псих?

Лукаш открывает дверь и, не говоря ни слова, уходит прочь. Марек бросается за ним, но в дверях, остановившись, оборачивается.

М а р е к . Я вернусь, Медея. Одна минута, и я здесь. Жди меня! (Марек закрывает за собой дверь.)

М е д е я (задумчиво). Счастливо!

СТРАХ

Медея в цветастом халате сидит в своей комнате за письменным столом – на столе компьютер. Она пишет и время от времени пьет кофе. Рядом неубранная, довольно разбросанная двуспальная кровать, которую Медея, вероятно, не успела с утра застелить. У стены близ двери стул от столового стола, на который садится Мама, когда приходит к Медее в комнату. Открывается дверь, входит Мама и садится на стул.

М а м а (бубнит в тишину). Сегодня он списал показатели.

М е д е я (механически от компьютера). Какие показатели? (Оборачивается.) Мама, не мешай, прошу тебя, я кончаю предпоследнюю главу...

М а м а . Состояние на нашем водомере. Какой-то парень из правления. Оттуда звонили неделю назад, но пришел он только сегодня. У нас большой перерасход теплой воды. Дело известное, человек не может ходить грязным, как свинья...

М е д е я *(от компьютера)*. Что?!

М а м а . И твой отец, в каком бы ни был возрасте, соблюдал гигиену. Выйдет из уборной, всегда руки моет, хотя в этом и моя заслуга, все годы я ему это в башку вдалбливала. Когда мы поженились, ничего такого ему бы и в голову не пришло. Какое было у него воспитание? Его мать... Ну да ладно. Когда мы стали жить вместе... В нашей семье после уборной всегда руки мыли. *(После паузы.)* Нынче ночью я опять на его фотку смотрела, и никак в толк не возьму, какого рожна ты повесила ее у меня над кроватью...

М е д е я *(от компьютера)*. Чтобы на что смотреть тебе было.

М а м а . Понятно. Вот я и смотрела на эту фотку и размышляла. Как только я могла пойти за него? Уж больно не хорош был. И волос не было. А я была девицей хоть куда. Глаза, правда, у него были красивые, разве что он косил малость... Но когда стал постарше, надел очки, так что не очень заметно было. По молодости я думала, что мужику не обязательно быть красивым, раз я красивая. Но оба они были...

М е д е я . Кто оба?

М а м а . Я сразу с двумя гуляла.

М е д е я . А я уж испугалась, решила, что отец взял и раздвоился...

М а м а . Это когда я из Кутов в Братиславу ездила. Сперва в поезде я познакомилась с Иожо, он был парень что надо, настоящий щеголь. А на станции потом встретила Яно, который твоим отцом стал. А когда пришло время решать, за кого мне замуж идти, выбор на Яно пал. Он всегда приносил на свидание какой-нибудь подарок, ну хоть цветок, если ничего другого... А Иожо – ничего. А теперь смотрю на его фотографию и дивлюсь – ну до чего страшен был! А шнобель какой! А зубы, что частокол, на фотке хорошо видно, потому как улыбается.

Медя за компьютером смеется.

М а м а . Ночью я не спала, читать пробовала, но книжка не по мне была... Потом взглянула на стену – вижу его фотографию. Глядела я на него, глядела, и почему-то он уже не стал казаться мне таким страхолудным. В конце концов, стал мне даже нравиться... А потом я уснула. *(Вздыхает.)* И снилось мне...

М е д е я *(перебивает ее)*. Ну, хватит! Из-за тебя я никогда не допишу главу...

М а м а . Хорошо, хорошо, пиши себе. Но все равно нам надо что-то решить, к примеру, ни к чему тебе что ни день под душем дрызгаться.

М е д е я *(оборачивается от компьютера)*. Ну, это уж позволь!

М а м а . Я же не дрызгаюсь, все одно дело пустое. Разве что сверху да снизу помоюсь.
(Задумывается.) Не знаю, как другие... Схожу-ка к Мариковой, порасспрошаю ее.

Мама выходит из комнаты. Реалистическое освещение сцены сменяется нереалистическим, призрачным. Мы входим в текст романа Медеи. Склоненный над компьютером и освещенный кругом света автор воспринимается как единственный островок реальности. Входит Марек.

М а р е к . Ты здесь?

М е д е я (вскакивает от компьютера). Ты пришел?!

М а р е к (останавливается). Впустили меня.

М е д е я . Они впустили тебя? Ну и что теперь?

М а р е к . Знаешь, я размышлял о многом. И понял, что самое непостижимое для меня – любовь. Ты будешь отрицать, но это так и не иначе. И нам не остается ничего другого, как быть вместе, и только тогда я пойму, что такое любовь. Но ты должна мне помочь. Я уже не хочу, чтобы моя жизнь зависела от разных вселенских потрясений. Чтобы простые жизненные обстоятельства ничего не значили для меня. Я думал, что не умею любить, но теперь, рядом с тобой, я осознал, что не могу жить без любви. Конечно, это надо было понять прежде всего. И представь себе, они не впустили меня, мне пришлось ускользнуть от них. Ты должна меня спрятать.

Медея размышляет. Садится на край кровати.

М е д е я . Но ведь ты еще не знаешь, что такое любовь...

М а р е к . Нет, я уже знаю, что такое любовь.

Марек приближается к Медее. Второпях снимает рокерский плащ, джинсы и майку. Остается в плавках. Он худой, узкоплечий.

М е д е я (улыбается). Ну, ты и атлет!

Марек близко склоняется над лицом Медеи и осторожно кладет ее на кровать.

М е д е я (тихо). Что ты хочешь?

М а р е к . А для чего я здесь?

М е д е я . Для чего?

М а р е к . Нас только двое во всем мире... во всем мире...

М е д е я . Нас только двое?

М а р е к . Мы единственные... Во всем мире... Нам будет фантастически...

Они обнимаются, целуются. Марек раздевает Медею. Они предаются любви. Раздается звук, предупреждающий об опасности.

М а р е к . Меня нашли!

М е д е я . Что же делать?!

М а р е к (*выкрикивает*). Дай мне больше любви, а иначе меня возьмут!

Звук все громче. Вскоре гаснет свет, и звук затихает. Воцаряется тишина. В это мгновение открывается дверь (световой проем). В ней стоит Марек. Свет освещает Медею, сидящую за компьютером. Потом разливается по всему пространству сцены. Мы в очевидной реальности. Марек с восторгом направляется к пишущей на компьютере Медее.

М а р е к . Медея!

М е д е я (*вздрагивает, поворачивает голову к Мареку*). Ну это уже наглость!

М а р е к (*наивно*). В чем дело?

М е д е я (*поворачивается вместе со стулом*). Ты должен был вернуться тотчас, а прошло два месяца! Как ты сюда попал?!

М а р е к . Откуда мне знать, двери были открыты. Какой-то паренек что-то записывал, показатели водомера, или что-то вроде того...

М е д е я . Водомер!

М а р е к (*умолкает, но следом оживает*). Но я постоянно о тебе думал. Тебя мне очень не хватало.

М е д е я . Так тебе и поверила!

М а р е к . Нет, серьезно. Я все время представлял твою шляпу, и твою Маму-чудилу. Она уже вернулась с курорта?

М е д е я . Еще спрашиваешь! Разумеется, вернулась и снова пьет мою кровь. (*Рассерженно смотрит на Марека. Закуривает сигарету.*) Ну что? (*Уже снисходительно.*) Что ж, хорошо. Впрочем, и я чувствовала, что ты думаешь обо мне. Ты все время мелькал в моем тексте.

Марек садится на кровать.

М а р е к (с интересом). В твоём романе? Ты уже много написала?

М е д е я . Роман почти готов. Скоро начну искать издателя.

М а р е к . Собственно, о чём он?

Медя встает, курит, прохаживается мимо него с сигаретой в руке.

М е д е я . Разве я не говорила тебе? Речь об авторе, об одной женщине, что пишет. Она немного... скажем, странная и *(умолкает)*... видишь ли... чудаковатая. В общем, ничего особенного, просто у нее некоторые сложности с окружающим миром, определенный конфликт... Но ты не думай, роман не автобиографичен. Однако удивительно : когда я пишу, со мной происходят непонятные вещи.

М а р е к . Какие еще вещи? Ты говоришь, что я возникаю в твоём тексте. А что я там делаю?

М е д е я . Ты вошел в текст уже в конце романа, до этого ты там не появлялся. И вообще в мой текст вплетается что-то, чего я не понимаю... Не понимаю, и все.

М а р е к . Какая-то чужая история?

М е д е я . Вроде того.

М а р е к . Все становится яснее ясного, раз ты пишешь на компьютере.

М е д е я . Почему? При чём тут компьютер?

М а р е к . Любой писатель, который пишет свой текст на компьютере, сильно рискует. Знаешь ли ты, что в таком случае с тобой может случиться? Ты можешь утратить свою собственную историю, даже свое авторство. Я говорю серьезно, и нечего тебе строить такую ироничную гримасу, а пора бы это осознать. Возможно, здесь таится что-то другое, но в основе все то же. Вероятно, ты проникла куда-то дальше, чем имела право. Чем тебе было дозволено. А это приводит к имитации какого-то определенного способа написания текста. Текст как бы переходит в интернетную форму, понимаешь? Это что-то вроде хакерства.

М е д е я . Хакерства? Извини, я хакер?! Я автор. Ты что-то выдумал. Кто, собственно, устанавливает эти границы? Какая-то компьютерная цензура или что?

М а р е к . Не знаю, это где-то за пределами познания. Для уверенности я пишу только рукой. *(Они размышляют.)* Не отчаивайся, издашь книжку, и в ней будет божественное начало.

М е д е я . Ты опять что-то придумал?

М а р е к . Во всех книжках есть Божий промысел. Так же, как Бог сотворил нас по своему подобию, мы создаем книги по подобию его священных книг. Ты же их знаешь: Библию, Коран, Талмуд, Авесту и много-много других. И в рукописях есть Бог. Или его дух, иначе говоря, в них есть дух творения. И тут таится разница между текстом компьютерным и текстом, написанным на бумаге. К примеру, мои книги – это манускрипты. Рукописи,

написанные от руки. У меня для этого есть своя теория. Центр человеческой креативности в мозгу связан с рукой, а не с компьютером. Художественное произведение можно создать только частью собственного тела, то есть рукой.

М е д е я . Но ведь и своим компьютером я управляю рукой. Рукой управляет мой мозг, а он...

М а р е к . Ошибаешься, ты отнюдь не управляешь компьютером. Вся эта компьютерная система плевать хотела на твою руку, на твой мозг, и во всем этом процессе, возможно, ты даже не участвуешь. Компьютер – это интернет, а он переходит через все ведомые и неведомые границы. Автор, который пишет на компьютере, должен это учитывать. Он должен учитывать чужую историю, чужой ход мысли... Но все это не так уж и трагично, скажу я тебе. Принимай это так, будто автор находится в некой позиции между текстами. Он не только пишет свои тексты, но и читает... тексты других. Из чтения возникла и нынешняя графомания. Человек читает, и ему кажется, будто то, что прочел, он мог бы написать лучше. Потому он и пишет. Он крадет мысли, слова и трансформирует их в своих бесконечно растянутых трактатах...

М е д е я . Ну, хватит, разболтался! Твои теории – сплошная выдумка!

М а р е к . Наверное тебе кажется, что я упрощаю что-то или выдумываю, но все это было спокон веку. Вся штука только в том, что в иные времена никто не знал такую необъятную безграничность, какая заложена в интернете. Это означает, что тебе необходимо просто чувствовать, где проходят границы отдаленности от чужих текстов. Ибо рационально определить это поистине невозможно.

М е д е я . Уж не хочешь ли ты сказать, что, когда я пишу на компьютере, я краду чужой текст?

М а р е к . Да, когда автор пишет на компьютере, вопрос действительно может идти о краже, и при этом автор воюет с несколькими угрожающими ему обстоятельствами. Более всего он боится, что у него украдут его собственный текст, чему способствует синдром интернетной всеобъемности. Все это весьма иррационально, этот страх может сделаться даже болезненным. С другой стороны, возможны признаки обычной писательской паранойи, хотя они наблюдались и тогда, когда компьютеров еще не было и в помине. Как у той авторши...

М е д е я . У какой?

М а р е к . У той писательницы, сейчас ее уже нет. Ты же знаешь, она лишилась рассудка и умерла... Хрестоматийный случай. То есть в том смысле, что она была в любой хрестоматии как классик литературы, мы проходили ее в школе. Помню, нам тогда говорили, что она целыми днями сидела на чемодане с рукописью и каждому встречному рассказывала, будто у нее украли рукопись.

М е д е я (*задумчиво*). Марина Бегулова. Однажды, еще работая в газете, я брала у нее интервью. У нее был старый чемодан, в котором, как она говорила, была спрятана рукопись

романа. Она еще рассказывала мне его содержание, хотя и очень несвязно. Речь шла о любви зрелой женщины и молодого человека, который якобы был не человеком, а кем-то вроде инопланетянина. Внезапно он исчез, и женщина осталась одна-одинешенька. Уже тогда, слушая ее странные рассказы, я подумала, что она не совсем здорова, что из-за романа она лишилась рассудка. Быть может, оттого, что ей пришлось воссоздать совершенно иной мир, а в то время другая реальность была еще абсолютно неведомой. Вскоре после нашей встречи она умерла. Но эта рукопись, как говорили, и вправду пропала. *(Она докуривает, гасит окурок, обращается к Марек.)* Марек, что ты все-таки хочешь?

М а р е к . Я? А что я должен хотеть? Думаю, самое главное для меня – писать. Я телом и душой человек пишущий, у меня постоянная жажда писать. Мой текст – это я. Я весь воплощен в своем тексте. Процесс писания – моя жизнь, я пишу и отсылаю записи, заметки, депеши... о себе, из себя... Знаешь, есть нечто, что якобы вне нас, но все-таки это мы, некая особая структура, представляющая какой-то другой мир... Там моя поэзия обретает совсем иной смысл, и смысл этого мира уже сам по себе поэтичен. И оттуда я пишу самые лучшие стихи. *(Смеясь.)* Но их я не публикую.

М е д е я . Откуда «оттуда»?

М а р е к . Из другого мира.

Оба молчат.

М е д е я . Марек, скажи правду, кто ты?

М а р е к . Я же тебе говорил, я поэт. Бесплодные вопросы... и бесплодные мысли.

М е д е я . Нет, серьезно... ты человек?

М а р е к *(смеется)*. Нет, инопланетянин. Нет, я обычный человек. Хотя... я ведь присутствую в твоём романе, значит, я - литературный персонаж. Ты мне еще не сказала, что я там делаю, не так ли?

М е д е я *(задумывается)*. Да я и не могу сказать тебе точно, ты там присутствуешь, это правда, но как-то так... Я чувствую, что в этом есть что-то пограничное... То, что зависит... Мне кажется...

М а р е к . Ты хочешь сказать, что я должен исчезнуть? Или... умереть?

М е д е я *(колеблется)*. Но... Я точно не знаю, но...

М а р е к *(смеется)*. Но ты следи за мной. Об этом речь. Ты должна обо мне больше думать.

М е д е я . Хорошо.

М а р е к . А знаешь, чего еще мне хочется? Причем больше всего. Любви. Я сейчас разденусь. Мне жарко. *(Он быстро раздевается до плавок.)* У меня ведь бесспорные доказательства... понимаешь, Медея, я хочу тебя.

М е д е я . Но я...

М а р е к . Поди ко мне, разденься... Не бойся, все совершенно реально...

Медея нерешительно начинает раздеваться. Останавливается.

М е д е я . Но ведь это бессмыслица!

М а р е к *(прерывает ее)*. Быстрее, быстрее, у нас мало времени. Я помогу тебе. Сядь... *(Указывает ей на кровать.)*

Хлопают двери, входит разгневанная Мама. Полуобнаженная Медея замирает. Не замечая Марека, Мама обращается к Медее.

М а м а . Ты только представь! Эта стерва Марикова хотела у меня отбить мужа! Ну чем не сериал? Ты тогда была еще маленькая. Я только сейчас это поняла. А еще притворялась моей лучшей подругой. Когда я на него жаловалась, жалела меня, но это было одно притворство, игра. Она просто хотела все разведать о нас, чтобы заполучить его. Я нашла у нее отцову фотку, причем с посвящением. Дорогой Маришеньке... Таковую же, что у меня над кроватью, только маленькую. Выходит, она была для него Маришенька...

Мама тяжело садится на стул.

М а м а . Да, кое о чем я вспомнила. Она мне всегда говорила, что муж у меня – форсун. Тогда я про себя даже ухмылялась – он и форсун?! Я вообще за него тогда не опосалась, до того он был нехорош на лицо. А теперь до меня дошло! Бесстыжая стерва... Там у нее такая табличка есть, дескать, доска почета, а на деле это самая что ни есть доска позора. Она вешает там всякую ерунду и знай всех только клеймит да позорит. Хотя в действительности она и есть самая бесстыжая. Сейчас я не знаю, что делать. Ведь Яно уже давно в покойниках. Никак между ними что-то было? От нее всего можно ждать. Однажды он сказал, что Марикова хорошо готовит. Откуда бы ему это знать? Мы никогда не угощались у них, никогда к ним не заходили. Если это правда, то пусть оставит меня в покое.

Мама встает и уходит.

М а р е к . Что это было?

М е д е я . Не знаю, видишь, Мама что-то задумала...

М а р е к . Да, вот уж и правда, чудила... Но... *(он привлекает к себе Медею)* нас это не касается. Мы в другом мире. Мы хотим друг друга. Я хочу тебя. И ты меня хочешь.

Марек обнимает Медею, опускает голову ей на грудь. Делает глубокий вдох.

М е д е я *(несколько раздраженно)*. Что ты собираешься делать? *(Марек вдыхает запах тела Медеи. Медея нервозно отталкивает его.)* Ты что, собираешься вот так обнюхивать меня? Ты что, зверь какой, может, собака или что?

М а р е к . Нет, я не собака... *(с лукавством)* но зверь – возможно.

Он бросается на нее, но это еще больше злит Медею.

М е д е я . Ну, хватит, перестань! Оставь меня! Оденься. Оденься и ступай прочь. Видишь, не получается. Мама достала меня.

Марек не двигается, в упор смотрит на Медею.

М е д е я . Ну ты что? Я же сказала, оденься. Зачем ты вообще пришел? Явился спустя два месяца и сразу все тебе подавай. Ты не по адресу, дорогой. Нет, одевайся и проваливай. Слышишь, пошел вон! Я видеть тебя не хочу!

Медея отталкивает его и выпроваживает к двери. Марек хватая свои вещи и позволяет Медее выставить себя за дверь.

М а р е к . Извини, я не хотел этого... В чем дело, скажи? Что, собственно, произошло? Ну хорошо, я ухожу...

М е д е я . Уходи! Вали отсюда! Хотя подожди! *(Она убегает в кухню и тут же возвращается.)* На, держи! *(Она сует Мареку в руку купюру.)* И не возвращайся! *(Истерически кричит ему вслед.)* Я не собираюсь нянчить бездарных рифмоплетов! Нет, не поэтов – алкашей! Что лишь жрут водку и не знают, где север, где юг! Выдал два сборника и уже подавай ему Нобеля, идиоту!

Медея захлопывает дверь. Свет гаснет.

ОПАСНОСТЬ

На стуле посреди гостиной сидит Мать Медеи в халате горошком – на лице выражение катастрофы. На журнальном столике разложено несколько газет. Включен телевизор. Она попеременно смотрит то в телевизор, то в газету. Настенные часы показывают два часа, однако пополудни. Открывается дверь. Из своей комнаты выходит Медея. Она в ночной рубашке, угрюмо смотрит на часы, закуривает.

М а м а (с иронией). Доброе утро!

М е д е я . Привет. Я уснула около четырех. Долго писала.

М а м а . Ты все еще пишешь? Роман ведь уж написала. Теперь могла бы подумать и обо мне. Но ты... Прошлой ночью я видела того молодого человека, что выскочил из твоей комнаты и пошел в туалет. В одних плавках... Ты что, не можешь найти кого посolidнее? А до этого, вспомни, ты совала ему в дверях деньги... Ты что, содержишь его? Как... Эдит Пиаф... этого...

М е д е я . Мама, прошу тебя...

М а м а (с подковыркой). Ты могла бы занять настоящего жиголо, чуть покрасивее этого.

М е д е я . Жиголо прежде всего был бы во сто крат дороже, мамочка, такого я бы не потянула.

М а м а (провоцируя). Главное, чтоб не обвинили тебя в развращении несовершеннолетних.

М е д е я . Оставь свою гнусную болтовню.

М а м а . Я просто не желаю, чтобы по моей квартире у меня на глазах прохаживались незнакомые голые мужики.

М е д е я . Он ходит сюда уже полгода, а ты делаешь вид, будто он никогда здесь не бывал. Это известный поэт.

М а м а . Не знаю, ни в телевизоре, ни в газете я никогда его не видела.

М е д е я . Ты жутко неблагодарная. Он хотел у нас в квартире починить столько неисправных вещей.

М а м а . Ты правильно сказала – хотел. А ведь ничего не починил, как положено. А к тому же голый ходил! Я реально отказываюсь смотреть на раздетую личность с большими ушами!

М е д е я (удивленно). Откуда ты знаешь, что у него большие уши?

М а м а . А глаза у меня на что?

М е д е я . Ты невыносима. А у твоего мужа был здоровый нос.

М а м а . А ты его копия.

М е д е я . С тобой невозможно разговаривать. Лучше бы тебе навсегда остаться на водах, чудила!

Медя ходит по комнате с сигаретой в руке. Мама читает газету.

М а м а (от газеты). Свари кофе.

М е д е я . Я сделаю то, что мне хочется, тебя это не касается. (Сколько-то времени ходит по комнате, потом решается.) Ну что ж, сварю кофе. (Идет в кухню.) А ты хочешь?

М а м а (выразительно). Я давно пообедала и уже выпила кофе.

М е д е я (из кухни). Ну и отлично.

М а м а (громко). Смотрю культурную рубрику...

Медя выглядывает из кухни.

М е д е я . Ну и что?

М а м а . Среди самых продаваемых книг твоего романа не вижу. Ни один книжный магазин не сделал на него заявку.

М е д е я . Я-то думала, что он продается.

М а м а . Да, жди! Прямо-таки нарасхват раскупается.

Мама пристально смотрит на Медю.

М е д е я . Пусть и не нарасхват, дело какое. Ты чему удивляешься? Ты же знаешь, что сейчас продаются только бестселлеры нескольких графоманов и графоманок.

М а м а . А я о чем? Ровно об этом и толкую тебе постоянно. Кому нужна твоя писанина, которую невозможно читать? Стоит мне только подумать, сколько времени ты ухлопала на этот свой шедевр, а какой толк? Книга лежа лежит. Ведь это мертвяк. У тебя нет читателей.

М е д е я . А ты откуда знаешь, что у меня нет читателей? У меня их хватает, их больше, чем ты думаешь. А кроме того, каждый читатель для меня – святой человек, будь он хоть один-единственный на всем белом свете. На днях я получила от одной читательницы письмо. И если тебе интересно... может, мне даже премию дадут за роман.

М а м а . Это было бы очень даже интересно. А еще лучше, если бы ты написала бестселлер.

М е д е я . Представь себе, для меня мой роман важнее всяких премий. А из того, что он не продается, я не делаю никакой проблемы. Впрочем, что я тут с тобой разболталась, все равно ты ничего не понимаешь.

Медя идет в кухню. Звонит звонок, она выглядывает из кухни.

М е д е я *(радостно)*. Это Марек.

М а м а *(критически)*. Он что, не может сначала позвонить? У этого человека нет никакого понятия о воспитанности.

Медя машет рукой, идет к двери, выходит в коридор. Коротко разговаривает с кем-то у входной двери, затем возвращается в сопровождении худого, чопорного человека в костюме, в очках и с чемоданчиком в руке. Атмосфера в помещении накаляется.

Д р . Б е г у л . Позвольте представиться. Я Бегул.

М е д е я . Добрый день. Ваше имя... Вы...

Д р . Б е г у л . Я дальний родственник писательницы Марины Бегуловой. После ее смерти я стал ее наследником. Я унаследовал все авторские права. Короче говоря, я доктор юриспруденции.

М е д е я . Понятно... Извините... Вы не хотите сесть? Мама, ты позволишь господину доктору сесть?

Мать Медеи с оскорбленным видом поднимается со стула и пересаживается в кресло, обращенное к телевизору. Оттуда она то и дело поворачивается, чтобы слышать разговор Медеи с др. Бегулом. Медя все еще в ночной рубашке, вид - неуверенный.

Д р . Б е г у л . Спасибо, не требуется. Мы можем поговорить о деле и стоя.

М е д е я . О чем идет речь?

Д р . Б е г у л . Видите ли, госпожа писательница, все весьма просто. Вы у моей покойной родственницы украли рукопись романа и в соответствии с ней написали свой роман, который недавно вышел в свет. Ваше произведение – абсолютнейший плагиат. Поскольку я владею авторскими правами Марины Бегуловой, я считаю своим долгом вывести это дело на чистую воду.

М е д е я . Вы хотите сказать... Но ведь...

Д р . Б е г у л . Вероятнее всего, я подам к вам иск.

М е д е я . Постойте, постойте... Это какая-то бессмыслица. Я знаю, что у Бегуловой пропала рукопись романа, но какое я имею отношение к этому? Ведь я даже не знала Марину Бегулову. Постойте... может, все-таки нам с вами лучше сесть?

Д р . Б е г у л . Уважаемая госпожа, Марину Бегулову вы знали. Двадцать лет тому вы брали у нее интервью. *(Он открывает чемоданчик, достает старые газеты.)* Пожалуйста, можете ознакомиться. В интервью упоминается и рукопись романа, а здесь, взгляните... *(указывает пальцем)* ...здесь говорится о самом романе.

М е д е я . Да, да, интервью... Но наша беседа носила чисто деловой характер. Я тогда работала в газете, и мне было просто поручено это задание. А на самом деле о Марине Бегуловой я почти ничего не знала. Я даже не прочла всех ее книг. Она никогда не относилась к моим... любимым авторам, хотя сейчас она и считается классиком. А эта рукопись... Ведь в литературных кругах общеизвестно, что Марина Бегулова целыми днями сидела на старом чемодане с рукописью и твердила, что рукопись у нее украли. Рукопись пропала, что правда, то правда, но... но почему в этом вы обвиняете меня?

Д р . Б е г у л . А почему бы нет? Более того, Марина Бегулова, да будет вам известно, после этой пропажи заболела и в конце концов умерла. Когда вы интервьюировали ее, она не была еще больной.

М е д е я . Вы хотите сказать, больной на голову? Знаете, насколько мне помнится, в ней что-то такое уже чувствовалось.

Д р . Б е г у л . Ну... возможно, в таком случае, вы и воспользовались этим. Взяли и украли у нее рукопись.

М е д е я . Это же вздор! Для этого нужны доказательства.

Д р . Б е г у л . И я докажу. Пока я предоставил информацию медийным и правоохранительным органам. Итак, я поставил вас в известность. До свидания.

Др. Бегул поворачивается и идет к входной двери.

М е д е я . Но это просто... Что вы себе позволяете?! Вы наглец! Кроме того, вы мошенник!

Д р . Б е г у л . А вы автор плагиата.

Др. Бегул сам открывает и закрывает за собой дверь. Медея в ночной рубашке стоит как прикованная. Надолго воцаряется тишина. Прерывает ее мать Медеи.

М а м а . Только этого нам не хватало.

М е д е я . Чего?

М а м а . Стало быть, твой роман – плагиат?

Медея взрывается.

М е д е я . Тебя нельзя выдержать! Ты самое ужасное существо на свете! Ты хочешь сказать, что ты в эту чушь поверила, да? Ты готова поверить всему, что только против меня. Если бы кто-то сказал, что я убийца, ты бы даже обрадовалась.

М а м а . Не обрадовалась бы, а осудила бы тебя.

М е д е я . Как это, скажи на милость?!

М а м а . Как народный судья. Я когда-то была народным судьей. В пятидесятые годы была такая должность, народный судья. И выбирали на эту должность лучших граждан, среди которых была и я.

М е д е я . Народный судья! Дурной сон! Что ты за человек?! Бедный отец, я ничуть не удивляюсь, что он не задержался на этом свете, а быстро покинул его.

Медея уходит в свою комнату. Мать громко кричит ей вслед.

М а м а . Твой отец покинул этот свет, потому как злобствовал попусту и плевал на свое здоровье. А ты не бери с него пример, не то, как он, инфаркт заработаешь. И вообще, если хочешь знать, я никогда в жизни не поверила бы, что ты создала плагиат романа Марины Бегуловой. Было бы так, ты за роман наверняка получила бы премию!

Медея влетает в гостиную.

М е д е я . Ты что мелешь?! Я тебя... Меня от тебя определенно удар хватит! Я тебя... я тебя...

Замахивается на Мать, испуганная Мать вскакивает со стула.

М а м а . Не сердись, иной раз возьму да ляпну какую глупость... Это из меня просто вылетело... Не сердись.

М е д е я . Прошу тебя, оставь меня в покое! У меня нервов на тебя не хватает! *(Она уходит в свою комнату, хлопает дверью, затем дверь резко открывает.)* И не прикрывай мой компьютер скатеркой!

Хлопает дверью. Свет гаснет.

ДУРНЫЕ СНОВИДЕНИЯ

Ночь. В комнате Медеи тишина и полумрак. Медея спит, сидя на кровати. Компьютер на письменном столе прикрыт скатеркой. Из темноты выплывает худая фигура. Призрачный свет постепенно освещает ее. Это др. Бегул в костюме и с чемоданчиком в руке. Спящую Медею окутывает тьма. Др. Бегул ходит по комнате, останавливается у компьютера. В призрачном свете рядом с др. Бегулом появляется и Медея. Она в ночной рубашке и в шляпе. Обе фигуры говорят неестественными голосами.

Д р . Б е г у л (указывает на компьютер). Вы хотите сказать, что здесь все могло поместиться? Такая объемная вещь? Ибо, случается, проходят годы и годы, пока возникнет что-то такое, и вдруг – пожалуйста, оно уже здесь, внутри.

М е д е я . Вы это имеете в виду? Но нет, нет, все это не совсем так...

Д р . Б е г у л . Но в принципе это так. И я спрашиваю, к чему это может привести? Вы же понимаете, куда я клоню... вы наверняка об этом что-то знаете...

М е д е я . Нет, я вообще ничего не знаю...

Д р . Б е г у л . Однако предполагаете, что за этим стоит. И до каких пор это может продолжаться? Ибо время – основной фактор. А теперь серьезно, скажите, как человеку в этом разобраться? Вы мне твердите одно, а я полагаю что-то абсолютно другое. И если кто-то представляет себе, что все в порядке вещей, он кардинально ошибается. В конце концов все это выплывет наружу.

М е д е я . Вы хотите сказать... что вскоре? Или даже прямо... сейчас.

Д р . Б е г у л . А когда же еще, скажите на милость, когда еще? Ведь сказано уже более, чем достаточно. Некоторые станут утверждать, что это не так, но они будут неправы. Правда – вещь справедливая. Все должно быть выяснено до конца, мы должны... да, самое основное происходит именно здесь. (Он указывает на компьютер.)

М е д е я . Вы имеете в виду... эти процессы.

Д р . Б е г у л . Я имею в виду эту кражу.

М е д е я . Постойте, вы имеете в виду... плагиат? Но...

Д р . Б е г у л . Никаких но, любезная. Кроме того, вы сами произнесли это мерзкое слово.

М е д е я . Нет, нет! Все это совсем не так! Марек бы вам объяснил, что это. Все связано с интернетом, поскольку он безграничен и...

В этот момент от стены отделяется другая темная фигура, на которую падает призрачный свет. Это Марек в плавках. Медея, заметив его, радуется.

М е д е я . Марек! Марек, объясни ему это! Марек!

М а р е к *(беспристрастно, чуть повернув голову)*. Однако Медея...

Д р . Б е г у л *(к Мареку)*. Приятель, вы ее знаете?

М а р е к *(отвернувшись от Медеи)*. Я? Я ее... Нет, я вижу ее впервые в жизни.

М е д е я *(громко)*. Что ты говоришь, Марек! Я ведь люблю тебя! Ты не можешь оставить меня здесь совершенно одну!

Марек смотрит на нее с грустью.

М а р е к . Я литературный персонаж.

Он поворачивается, идет к двери, открывает ее. Выходит в освещенный дверной проем, вместо него появляется Мама.

М а м а . Ну, видишь, я же говорила тебе, что в телеке его не было. Запомни, этого человека вообще не существует.

М е д е я *(к Маме)*. Что ты мелешь?! *(Она бежит к Мареку.)* Марек, Марек, прошу тебя, не уходи!

Марек исчезает. В призрачном свете справа вырисовывается покойная писательница – классик Марина Бегулова, сидящая на старом чемодане. Она пальцем указывает на Медею.

М а р и н а Б е г у л о в а *(кричит пронзительным голосом)*. Эй ты, что в шляпе, не делай невинный вид. Ты украла у меня рукопись. Ты слышишь, ты украла из чемодана мою рукопись! За это тебя будут судить!

М е д е я . Меня будут судить?!.. Я ничего не украла!

В эту минуту Др. Бегул надвигает Медею шляпу на глаза. Свет гаснет, фигуры исчезают. В темноте слышно, как Медея беспокойно мечется на кровати.

М е д е я *(стонет)*. Я ничего не украла. *(Начинает кричать.)* Оставьте меня! Оставьте меня!

Медея затихает, впадает в тяжелый сон. В комнате тихо и темно. Вскоре из тьмы вырисовывается трибунал. За столом сидят два критика, др. Бегул и Мать Медеи, критики в судейских мантиях. Перед трибуналом стоит Медея в ночной рубашке, в шляпе, надвинутой на глаза. Справа на старом чемодане сидит Марина Бегулова. Слева худущий Марек в плавках.

Старый критик. Я открываю судебное заседание, рассматривающее дело о краже рукописи. Перед нами обвиняемая в краже.

Молодой критик. Это верховный суд.

Старый критик. Именно так, это верховный суд, приговор которого не подлежит апелляции. Речь идет о рукописи классика словацкой литературы. И, учитывая особую важность данного дела, обвинение не может быть отозванным ни при каких обстоятельствах.

Др. Бегун. Это значит, что она будет наверняка осуждена?

Молодой критик. Похоже на то.

Марина Бегулова (*выкрикивает*). По крайней мере будет доказана правда.

Старый критик. Заседание продолжается.

Др. Бегул. Рукопись лежала в старом чемодане, но она в отсутствие классика открыла чемодан и присвоила рукопись. Затем переписала ее и издала как собственное сочинение.

Старый критик. А где была в это время сама классик?

Др. Бегул. Отошла по надобности. Обвиняемая брала у нее интервью.

Старый критик. Доказательства... Материал, подтверждающий...

Марина Бегулова открывает чемодан – он совершенно пуст.

Марина Бегулова (*выкрикивает*). Моей рукописи как ни бывало!

Молодой критик. Чемодан пустой.

Др. Бегул. Для вида она пришла взять у классика невинное журналистское интервью, но ее истинным умыслом была кража рукописи.

Медее. Я даже не читала ее произведений.

Др. Бегул (*с иронией к присутствующим*). Надо же, еще говорит, что не читала произведений... классиков...

Старый критик (*к Медее*). Эти произведения проходили в школе, как обязательное чтение.

Мама. Ребенком она брала книги в районной библиотеке. Помню, однажды она принесла произведение этого классика.

Медее (*сурово, Маме*). Знаешь, кто ты...

Мама (*оскорбленно*). Народный судья...

Старый критик. Теперь нам всем ясно, что представляет собой ее роман.

Молодой критик. Такой роман кто угодно может скачать из интернета.

Медее. Но ведь я в интернет вообще не залезаю. Мне он не интересен.

М а м а . Странно, всегда все интересовало ее.

С т а р ы й к р и т и к . Однако как произведение классика попало в интернет? Кто-нибудь может ответить мне на этот вопрос?

Д р . Б е г у л . Сама обвиняемая распространила роман, выложив его в интернете, дабы замаскировать следы своей кражи.

М о л о д о й к р и т и к . Думаю, это правильная версия.

С т а р ы й к р и т и к . Что на это скажет сама обвиняемая?

М е д е я . Нет, нет! Возможно, я хотела изучить интернет, поскольку я плохо в нем разбираюсь, но я ничего не распространяла, и свой роман я писала собственным умом, за это ручаюсь.

С т а р ы й к р и т и к . Мы слышали ее слова. Теперь я хочу спросить наш трибунал: она убедила нас?

М о л о д о й к р и т и к . Абсолютно нет! Неоспоримо, что она совершила кражу. Этому есть неопровержимые доказательства. Она украла рукопись и переписала ее, то есть создала плагиат.

С т а р ы й к р и т и к . А что скажут остальные?

Д р . Б е г у л , М а м а . Нет, она нас совершенно не убедила.

С т а р ы й к р и т и к (к Мареку). А вы? У вас есть что сказать?

М о л о д о й к р и т и к (к присутствующим). Он – литературный персонаж, причем из обоих романов. Думаю, он слегка раздвоен. У обвиняемой положительный герой, в произведении классика – отрицательный типаж. Еще одно доказательство. Он там, он и тут.

М е д е я . Это могут быть параллельные процессы. Вы еще о таком не слышали? Марек мой персонаж! Верьте мне, вы должны мне верить...

С т а р ы й к р и т и к . Совсем необязательно. Кроме того, вам еще не дали слово, обвиняемая. И теперь вы его не получите, решено. Приговор таков: виновна.

Критики в судейских мантиях встают, Марина Бегулова начинает хихикать и показывает на др. Бегула, который кладет в чемоданчик сочинение. Медея срывает с головы шляпу и убегает, Мама бежит за ней. Все исчезает. Свет гаснет, вскоре освещает Медею, которая мечется на кровати.

М е д е я . Невиновна я! Я ничего не сделала, я невиновна! Я невиновна!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ МЕДЕЯ И КРИТИКИ

Спустя десять лет. Задымленный клуб писателей. За одним столиком сидят два критика, курят и пьют вино. Рядом, за другим столиком, сидит группа пьющих поэтов - они видны лишь со спины. Среди них Марек и Лукаш. Третий столик свободен. Группа поэтов очень шумит, порой раздражаясь громким хохотом. Лукаш то и дело наклоняется, прислушиваясь к разговорам критиков.

Старый критик. Ты не можешь представить, какую скуку нагоняет на меня чтение. Все уже было, я все уже читал, никакой оригинальности, никто ничем меня не захватывает... Погляжу в книжку, прочту фразу и уже знаю, откуда она.

Молодой критик. Ты хочешь сказать, что сейчас все переписывается? Да, слова и фразы повторяются, мало кто способен писать абсолютно оригинально. Не получается. В музыке, например, после двух звуков композитор обязан свернуть в сторону, ибо в ином случае он стал бы имитатором тысячи каких-то других мелодий. Но литературы это не касается. Слов множество. А если еще прикинуть, сколько слов существует в разных языках... Я даже не думаю сейчас о каком-то суперязыке, сложенном из всех языков мира и всевозможных звуков... Мне любопытно исследовать способ, в каком сочетаются иностранные заимствования. И всегда все дело только в словах. Художественная ценность в общем и целом довольно-таки относительное понятие.

Старый критик. Ну а скука? Это как-никак весьма серьезный оценочный критерий.

Молодой критик. Но субъективный.

Старый критик. С высоты моего продвинутого возраста могу заверить, что иной раз бывает и объективным. Не хочется мне читать. Скучно мне.

Молодой критик. А что для тебя оригинальность?

Старый критик. Естественно, оригинал. Самое первое произведение.

Молодой критик. Тут я бы с тобой поспорил. Оригинал, по сути дела, вообще не может быть первым...

Старый критик. Ты прав, но он всегда лишь единственный.

Молодой критик. А прочие произведения...

Старый критик. Это творения эпигонов, фальсификаторов, плагиаты... Одни вторичные вещи. И на мой взгляд, это вся нынешняя литература.

Молодой критик. Ты ведь про нее ничего не знаешь, коль не читаешь ее...

Старый критик. Жду, когда однажды у меня наступит собственный ренессанс чтения. Когда-то я глотал книжки одну за другой, знал, что в каждой найду достойную внимания мысль, слово... Но во времена неоригинального писательства...

Молодой критик. Насколько я знаю, у нас был официально признан плагиатом лишь один-единственный роман, но по стечению обстоятельств он оказался весьма оригинальным.

Старый критик. Парадокс. (*Ворчиwo.*) Это история пока еще до конца не выяснена...

Молодой критик. В каком смысле?

Старый критик. В прямом.

Молодой критик. Ты хочешь сказать, что этот роман, в конце концов, не должен был считаться плагиатом?

Старый критик. Не должен был, но мог считаться. Правдоподобны обе возможности.

Молодой критик. Но вы нам неустанно внушали, что это плагиат, и я всегда так к нему и относился. Отличный роман, но плагиат. И Медею, как автора плагиата, переписавшую рукопись романа Марины Бегуловой.

Старый критик. И ты правильно оценивал ситуацию.

Молодой критик. Но если будет доказано, что она вовсе не автор плагиата?

Старый критик. Это уже ничего не изменит.

Молодой критик. Как так не изменит?! Ты только что доказывал мне первичность оригинала. Да и с практической точки зрения... Ведь она должна была получить премию, но не получила ее... именно из-за этого!

Старый критик. Ну и не получила, что с того! Ты же хорошо знаешь, что сначала мы ее номинировали на премию, хотя и отменили это впоследствии. Но она заработала признание... и славу. И деньги, не забывая.

Молодой критик. Допустим, но, по сути, ее уничтожили...

Старый критик. Она сама себя уничтожила. Пьет по-черному.

Молодой критик. Я бы тоже пил.

Старый критик. Из-за того, что тебя обвинили? Кто знает. Может, эту кашу она сама и заварила, чтобы ее заметили. И добилась своего, сам видишь, нынче она заметная фигура. Хотя, надо сказать, ход этому делу дал еще тот фанатик, адвокат, что унаследовал авторские права Марины Бегуловой. Подал на нее в суд и повсюду разослал иски. Но все это осталось на полпути, ведь Маринино произведение до сих пор так и не найдено. Тогда, правда, поговаривали о тождественности главных героев этих двух романов...

Молодой критик. Ты утверждаешь, что в те памятные времена много читал, но ты ведь и писал достаточно и немало приложил руку, чтобы ее уничтожить. Этот наследник хотя бы пригласил тебя тогда на рюмочку?

Старый критик. Постой, постой, если ты помнишь, я был тогда не один. Тогда писали все, кому не лень. Кстати, ты тоже опубликовал что-то в рубрике молодой критики.

Молодой критик (*неохотно*). А-а, ты имеешь в виду ту статейку. Да, я увлекся... Однако, по-моему, самое абсурдное во всей ситуации было то, что, собственно, никто и в глаза не видел Мариной рукописи. Мы разве что предполагали...

Старый критик. А вы и видеть ее не могли, если нигде ее не было. Да мы и не знаем, была ли она украдена, как утверждала Марина Бегулова, или пропала, а может, вообще существовала только в ее болезненном воображении. Но я тогда нашел совпадения, и, кстати, довольно много совпадений, сравнивая роман Медеи с некоторыми рассказами Марины... и повестями... Да и потом Маринин чемодан. Он был прямо-таки символом эпохи.

Молодой критик. Думаю, чемодан был не более, чем камуфляж. Марина могла написать низкопробный роман, а потом сама же его и уничтожила. Могла его сжечь...

Старый критик. Теперь все умные...

Молодой критик. А вот Медеин роман стал бестселлером. Будь это действительно плагиат...

Старый критик. Да, в самом деле, его читают. Три издания, и все распроданы. И сказать тебе, почему? Потому что каждый не прочь иметь в домашней библиотеке нашумевший плагиат.

Молодой критик. Ты хочешь сказать, что именно наше обвинение явилось причиной ее недюжинного писательского образа? Что это сделали мы, критики? И некий фанатичный доктор прав?

Старый критик. В любом случае именно в тот период она начала процветать. В целом это нелогично, но ее слава оказалась именно тогда в зените, и это доставляло ей радость. Нынче она одна, как перст, вокруг никого. Когда-то она жила с мамой, но та умерла. Теперь она даже не выходит из дому. Очень редко заглядывает в клуб. На днях я видел ее. Напьется вдрызг, потом приходит и пристаёт ко всем. Каждому суёт под нос свои сочинения. Но пить ей категорически нельзя. Она явно сбрендила...

Молодой критик. Она еще что-то пишет?

Старый критик. Пишет только судебные иски с истекшим сроком давности. И принципиально пишет их от руки, имея на то якобы какую-то особую причину.

Молодой критик. А каково было решение суда?

Старый критик. Суда, собственно, и не было. Это дело долго раскручивалось, а потом умер наследник, что предъявил к ней иск. Без рукописи у него, по сути, не было и доказательств.

Молодой критик. Неплохо было бы написать об этом.

Старый критик. О чем?

Молодой критик. О том, что критика сильно навредила автору.

Старый критик. Ты имеешь в виду Медею? Как бы не так, мы ведь только помогли ей снискать славу. Да и потом, мы не знаем всего. До сих пор не нашлась Маринина рукопись...

Старый критик начинает нервничать, встает, быстро прощается и собирается уйти. В клуб входит Медея в плаще-болонья. Шляпа надвинута глубоко на лоб. Не раздеваясь, она торопливо идет к свободному столику. Старый критик, дабы не столкнуться с ней, возвращается на свое место. Медея садится.

Молодой критик. Смотри, кто пришел.

Старый критик. Вижу. Опять начнет приставать.

Прислушивающийся к разговору критиков Лукаш встает и нетвердой походкой направляется к ним.

Лукаш. А когда ты напишешь про меня?

Старый критик. Когда мне захочется читать.

Лукаш. Но когда это будет?

Старый критик. Когда будешь лучше писать.

Лукаш. Я пишу хорошо. Так когда?

Молодой критик. Когда дашь ему книгу.

Лукаш. Он мог бы и купить ее.

Молодой критик. Мог, да не купил. Не будь скрягой, подари ему книгу.

Лукаш. Не я, а он скряга.

Старый критик. Я скуп только на слова.

Лукаш возвращается к своему столику, затем прибегают с книгой, но критики его не замечают, один Молодой критик жестом просит его положить книгу на столик. Медея нервозно курит. Молодой критик незаметно оглядывает ее.

Молодой критик. Она чудно выглядит.

Старый критик. Ведь она и есть чудная. Для нее есть одно хорошее слово – чудила. Правда, сказать о женщине, что она чудила, это уже чересчур.

Медя начинает вертеться на стуле, потом вдруг вскакивает и бежит к критикам. В руке у нее бумага.

М е д е я . Прочту вам... *(Показывает бумагу.)* Смотрите, это мой протест, я подала на ответчика судебный иск. *(К Старому критику.)* А это мои возражения касательно вашей критики, господин критик...

С т а р ы й к р и т и к . Госпожа автор, вы могли бы пересесть. У нас приватный разговор.

М е д е я *(всплеснув руками)*. Хорошо, хорошо, все в порядке. Извините, не сердитесь...

Медя возвращается к своему столу. В группе поэтов поднимается волна недовольства.

П е р в ы й п о э т . В этом кабаке даже выпить нечего!

М о л о д о й к р и т и к . Это тебе не кабак, а клуб.

П е р в ы й п о э т . Где и выпить нечего!

С т а р ы й к р и т и к . Ты уже в досталь набрался.

П е р в ы й п о э т *(куражится)*. Наши критики нам указывают, как мы должны писать, а теперь уже и как нам пить. Это не критики, а инквизиторы! И строчат, строчат...

В т о р о й п о э т *(присоединяется)*. Лишь бы строчили... И замышляют заговор, да ведь они и есть заговорщики! И сектанты!

Подвыпившие поэты того и гляди подерутся. Критики, напротив, не прочь уйти с поля брани. Осмелевшая Медя вдруг вскакивает из-за стола и давай своими бумагами хлестать Старого критика по голове. Старый критик хватается за голову. Все происходит в очень быстром темпе.

С т а р ы й к р и т и к . Тьфу! Дуреха!

М о л о д о й к р и т и к . Спокойно, госпожа автор...

Медя, однако, входит в раж и вовсю начинает хлестать критиков бумагами. Критики пытаются защититься. Поэты присматриваются.

С т а р ы й к р и т и к . Тьфу! Бесноватая баба! Держи ее!

М о л о д о й к р и т и к . Я уже скрутил ей руки.

Среди поэтов сидит и Марек, все еще обращенный к зрителям спиной. Он начинает защищать Медею.

М а р е к . Оставьте ее! Оставьте ее в покое!

С т а р ы й к р и т и к . Это она дерется, не мы.

Критики отходят, Марек успокаивает Мелею. Первого поэта вся ситуация перестает занимать.

П е р в ы й п о э т . Ребята, пошли к Антоновскому. У него отличное вино.

В т о р о й п о э т . Прекрасная идея! Айда к Антоновскому.

Л у к а ш *(кричит в сторону Старого критика)*. И не забудь про мою книгу. Когда о ней напишешь?

М о л о д о й к р и т и к . Наберись терпения.

Л у к а ш . И все-таки когда это будет?

С т а р ы й к р и т и к . Не бойсь, когда-нибудь да будет.

В т о р о й п о э т *(к критикам)*. А я вас очень ценю.

М о л о д о й к р и т и к . Да и мы вас ценим, ребята. Не будь вас, не было б и нас.

Авторы обнимаются с критиками. Все вместе выходят из клуба. В клубе остаются лишь Марек и Медея. Изменяется свет, наступает особая тишина. Медея расстрогана.

М е д е я . Марек...

М а р е к . Здравствуй, Медея.

М е д е я . Почему ты не приходишь ко мне? Ключ потерял, да?

М а р е к . Нет, не потерял, просто... найти его не могу.

М е д е я . Дам тебе другой. Приходи, буду ждать тебя. Прочту тебе свои сочинения.

Прочту все, что я написала для того подсудного дела.

М а р е к . Ладно, приду.

М е д е я . Я все приготовлю и буду читать тебе хоть целый день.

М а р е к . Ясно, Медея. Приду. Жди меня.

Медея дает Мареку ключ. Марек выбегает из клуба. Медея стоит, не двигаясь. Потом поспешно, склонив голову, уходит. Свет гаснет.

НЕСЧАСТЬЕ

Ночь. Комната Медеи. Свет освещает Медею в ночной рубашке. Она стоит у письменного стола и читает с листа. Рядом - бутылка фернета и рюмка. Медея без передышки курит, то и дело прикладываясь к рюмке. Компьютер, накрытый скатеркой, отодвинут на край стола.

Медея. Заявление моего ответчика я опровергаю следующими аргументами. Во-первых: в его заявлении вещи поданы так, будто в моем обвинительном иске речь идет о том, что его письма якобы помешали присудить мне литературную премию, на которую я была выдвинута за создание своего романа. Это не что иное, как стремление навести тень на плетень. Сегодня никто с уверенностью не может сказать, почему мне не была присуждена данная премия, ибо совещания комитета по присуждению премий происходят в сугубо тайной обстановке. Суд не правомочен решать вопрос о том, кому должна или не должна быть присуждена литературная премия. Однако речь идет не об оказанных или не оказанных мне почестях, а о моей гражданской чести. Свой обвинительный иск я подала потому, что ответчик обвинял меня в том, что я издала плагиат, созданный по роману покойной писательницы Марины Бегуловой. Плагиат, иными словами кража чужого авторского текста, представляет собою преступление, не совместимое с моими нравственными принципами. Утверждение, что мое произведение является плагиатом, не что иное, как обвинение в нарушении морали. Я всегда хотела прожить жизнь с честью. Бесспорность того факта, что в данной подаче напрочь отсутствовало стремление реально оценить мою творческую работу, а была только предвзятость, приведшая к искажению самой сути дела, - отнюдь не является моим субъективным домыслом... Мне, как автору, большой вред нанесла критика, которая, основываясь на инсинуациях ответчика, приняла в штыки мой роман. Критика солидаризировалась с его обвинениями и полностью отвергла мой творческий метод. *(Она пьет фернет и продолжает читать.)* Если и было нечто спорное в моем творческом методе, так лишь то, что роман я писала на компьютере. Дело в том, что, по мнению знатоков, данный способ написания в сочетании с использованием интернета усложняет литературное творчество. Хочу, однако, подчеркнуть, что даже при компьютерном способе написания текста я, и только я, являюсь его автором, а это главное. Другое дело, что текст, созданный мной без чьей-либо помощи, впоследствии обрел собственную жизнь. Но за это автор уже не может нести ответственность. *(Она продолжает говорить уже без бумаги.)* Так или иначе, все эти вещи высшего порядка - они уже где-то между небом и землей! Я далека от каких-либо махинаций вокруг моего текста и знаю лишь одно: оригинал романа я создала исключительно согласно своему собственному авторскому замыслу. Это мой замысел, мои мысли, и я могу писать так, как мне вздумается. Кому какое дело, как мой роман был написан? Это мой роман! Я его автор, и точка. *(Медея ударяет кулаком по столу.)* Я сама сочинила его и сама написала.

Так, как считала нужным. (*Она пьет фернет.*). Это никакой не плагиат, как бы вам этого не хотелось. Да, это я добавлю, это надо дописать.

Медея берет ручку и дописывает на бумаге текст.

М е д е якак бы вам этого не хотелось... Вот так, теперь прочту это Мареку. Но где Марек? Пришел бы он наконец. Я должна прочесть ему этот текст. Он им покажет, где раки зимуют! С Марекком мы, где надо, подчистим его и уничтожим их... (*Пьет фернет.*) Черт побери, куда же он запропастился? (*Нервно ходит по комнате.*) Где он?! Я хочу ему это прочесть... Я хочу ему это прочесть, он должен это послушать. И хорошо бы именно сейчас. Нужны аргументы. А это все - отличные аргументы. Ибо у меня есть свои авторские права, я автор. И я человек. Человек с большой буквы! (*Смеется.*) Кто это сказал? (*Она хочет выпить, но рюмка пуста. Поднимает бутылку, но и она пуста.*) Ну, это уже подлость. Это переходит все границы. Уже неделю я не вылезая из дому, сижу тут как пришитая, а его все нет как нет. Да Бог с ним, не буду его дожидаться. Возьму такси и поеду. Нет, я вам не ноль без палочки! Отнюдь! Я человек с большой буквы! В самом деле... возьму такси и поеду. (*Ходит по комнате.*) Все, я больше не жду. Беру такси.

Медея, чуть пошатываясь, уходит. Вскоре возвращается, в руке новая бутылка фернета.

М е д е я (*как ни в чем не бывало*). В шкафчике нашлась еще одна, и в магазин ехать не пришлось...Золотой шкафчик...

Медея открывает бутылку, жадно пьет из нее. Потом оставляет бутылку, вытирает рот. Начинает зевать.

М е д е я . Я устала. Я страшно устала. Если бы кто-то знал, как я ужасно устала. Пойду лягу... посплю немного... (*Неразборчиво что-то бормочет.*)

Медея пошатываясь идет к кровати. На кровати, внезапно освещенной резким светом, полусидит-полулежит Марина Бегулова. Она в ночной рубашке, с седыми прилизанными волосами.

М а р и н а Б е г у л о в а . Подумаешь, какая проблема, что ты устала! Что ты этим хочешь сказать?

М е д е я (*приходит в себя*). Марина Бегулова!

М а р и н а Б е г у л о в а . И что из того, если ты написала роман на компьютере?

М е д е я . Пойдите... Я в этом уверена, но они...они говорят, что это якобы осложняет написание художественных произведений...

М а р и н а Б е г у л о в а (*прерывает ее*). Нет ничего особенного в таком способе письма, сейчас он самый употребительный...

М е д е я . Конечно, это дело обычное, так все пишут, но некоторые говорят, что в компьютере происходят какие-то процессы ... Они связаны с интернетом, понимаете...

М а р и н а Б е г у л о в а (*прерывает ее*). А как он называется? Твой роман? Впрочем, я знаю... ведь и мой роман назывался также. День в небытии.

М е д е я . Ваш роман? Вы хотите сказать, что я и название заимствовала из вашего произведения? Но ведь я его и в глаза не видела. И никто его, между прочим, не видел. А вы утверждаете... хорошо, я могу представить нечто подобное, как некоторую параллель и ничего больше. Мой роман – исключительно мой роман. Не сердитесь, но я вынуждена защищаться.

М а р и н а Б е г у л о в а . Я бы тоже защищалась, если бы кто-то на меня наезжал. Я использовала бы любые средства. Использовала бы все на свете, может быть, даже кусалась бы. И наверняка бы обманывала. (*Смеется.*)

М е д е я . Но я не обманываю. Я никогда не обманываю!

М а р и н а Б е г у л о в а . Успокойся, я знаю, что ты никогда не обманываешь, но ведь и литературный вымысел не что иное, как обман. Нет, ты не обманываешь... (*с иронией*) ...ты никогда не читала моих книг, хотя в средней школе они считались обязательной литературой... Человек, у которого дурные наклонности, если даже он не осуществил их, ибо тому помешали какие-то жизненные обстоятельства, будет тяжелее расплачиваться, чем тот, кто провинился в чем-то необдуманно, случайно, не тая в себе злого умысла. Неумышленный поступок может быть мгновенно прощен человеку, тогда как склонность к дурному поступку, напротив, прощается лишь тогда, когда эта склонность в человеке совершенно угасла. А таких наклонностей великое множество...

М е д е я . Я не совсем понимаю. Да, таких наклонностей множество... Видите ли, это довольно сложно. Что же касается ваших произведений...

М а р и н а Б е г у л о в а . О моих произведениях давно известно, что ты прочитала их все до единого. И что ты читала эту рукопись.

Медя ошарашена.

М е д е я . Это невозможно! (*Минуту спустя.*) ...Ну, хорошо, может, я что-то и читала, однако я ничего не помню из прочитанного. А рукопись я и вовсе не читала!

М а р и н а Б е г у л о в а . Но речь идет не о том, читала ты мои книги или не читала. Меня интересует, как было дело с чемоданом? Во время нашей беседы, помнишь... Расскажи мне все спокойно, без утайки, меня ничто не удивит. Я могу допустить, что нынче у каждого есть воровские замашки... *(Хихикает.)*

М е д е я . Вы на что намекаете?

М а р и н а Б е г у л о в а . Да ни на что. Помнишь, мы сидели у меня дома, и ты брала у меня интервью, я как раз получила литературную премию. И ты мне тогда сказала, что тоже хочешь быть писательницей. *(Она начинает с пафосом декламировать.)* Когда видишь произведение великого мастера, обнаруживаешь, что он украл наилучшие приметы своих предшественников, и эта кража сделала его великим... Кто это написал? Это был большой мастер. Это был великий мастер.

М е д е я . Но ведь...

М а р и н а Б е г у л о в а . Ну кто? Уже тогда он это предвидел.

М е д е я . Что предвидел?

М а р и н а Б е г у л о в а . Великий мастер говорил о краже.

М е д е я . Вы хорошо знаете, что я никогда бы... Великий мастер? Кто же это?

М а р и н а Б е г у л о в а . Великий мастер есть великий мастер. Иной раз достаточно, чтобы человеку под руку попался один старый чемодан... И чтобы Марина Бегулова во время беседы отлучилась в туалет.

М е д е я . Я всегда хотела прожить жизнь с честью. Я не хотела открывать ваш чемодан.

М а р и н а Б е г у л о в а . Не сердись, я знаю, что ты не хотела его открывать. Но коль уж это случайно произошло, достаточно в этом признаться, и все пойдет своим чередом. Я уже подсказала тебе, что совершить преступление гораздо меньшее зло, чем иметь к тому врожденную склонность. И ты тогда не могла предполагать, что в действительности я не пошла в туалет, а тайно наблюдаю за тобой из соседней комнаты.

М е д е я . Вы смотрели на меня?!

М а р и н а Б е г у л о в а . Я видела все. Так как это было? Доверься мне... Я слушаю тебя.

М е д е я . Вы ничего не могли видеть, поскольку ничего не было! И что, собственно, вы видели?

М а р и н а Б е г у л о в а . Все.

М е д е я . Да вы все выдумываете!

М а р и н а Б е г у л о в а . Я ничего не выдумываю.

М е д е я . Ну, хорошо. Я открыла ваш чемодан. Вы так много рассказывали о рукописи, которая у вас в чемодане, что я не могла сдержаться.

М а р и н а Б е г у л о в а . Вот видишь, ты не могла сдержаться и открыла чемодан. А

что там было? Что было в чемодане?

М е д е я . Ничего. В чемодане ничего не было.

М а р и н а Б е г у л о в а (*с иронией*). Ну, ясно, в чемодане ничего не было. Ты открыла его, заглянула внутрь, и там ничего не было. Потом ты его закрыла. Пусть так. Но... моя рукопись?

М е д е я . Говорю вам, что чемодан был пустой.

М а р и н а Б е г у л о в а . В чемодане была моя рукопись!

М Е Д Е Я . Прекратите, наконец, я устала. Оставьте меня в покое! Из-за вас я не сплю, вы заняли мою постель. Почему вы в моей постели?

М а р и н а Б е г у л о в а . Не обращай на это внимания. Значит, тебе кажется, что чемодан был пустой?

М е д е я . Ничего мне не кажется! Он был пустой. И я вам это докажу! Но сначала будьте любезны покинуть мою комнату!

М а р и н а Б е г у л о в а . Значит, чемодан был пустой.

М е д е я . Да, пустой.

М а р и н а Б е г у л о в а . Чемодан был пустой, и точка. Больше мы это не обсуждаем. Видишь, а ты так боялась.

Звонит дверной звонок, свет над постелью гаснет. Марина Бегулова исчезает.

М е д е я (*с облегчением*). Марек пришел. Верно, забыл ключ.

Медя бежит открыть Мареку дверь. Из коридора доносится ее голос.

М е д е я . Марек! Марек, где ты? Кто здесь? Где вы? Что это... (*Входит в комнату со свертком.*) Сверток.

Медя кладет сверток на стол и начинает его распаковывать.

М е д е я . Что это... бумаги... рукопись.... Какая-то рукопись. Титульный лист. День в небытии. Название моего романа. Автор... Написала Марина Бегулова. Это... Господи! Рукопись Марины Бегуловой! Да, это ее почерк, я видела его в архиве. Но это... это означает... Нет, нет, эта бестия обманывает! И как гнусно обманывает! Выманила мое признание, но при этом знала, что все обстоит иначе. А я-то дура, попалась ей на удочку. Поверила ее скрипучему голосу. Какое безумие!

Медея хватается сверток и в панике начинает бегать с ним по комнате.

М е д е я . Что же теперь?! Надо спрятать рукопись. Надо быстро ее спрятать, пока их здесь нет. Ведь если придут, они найдут ее... и я буду во всем виновата! Господи, куда же ее сунуть?! Сюда! Нет, сюда! Или сюда!

Медея пытается запихнуть сверток в разные места: под кровать, под подушку и так далее. Пробует засунуть его в ящики письменного стола, но рукопись слишком объемна. Медею, окинувшую взглядом компьютер, осеняет спасительная мысль. Она сбрасывает с него Мамину скатерку.

М е д е я . Суну-ка рукопись в компьютер. Да, это лучше всего, там искать ее не будут. Там определенно искать ее не будут, они ведь думают, что она там была всегда. Но там ее не было, она будет там только с этой минуты! *(Странно смеется.)* Быстро, пока они не пришли. Потом будет поздно! Быстро! Там ее не найдут!

Медея лихорадочно дергает стенки компьютера. Через минуту ей удастся отломить какую-то его часть. Она силой запихивает рукопись в компьютер. Но рукопись разлетается, и повсюду на пол опускаются листы бумаги. Медея принимается собирать листы, но она так сильно волнуется, что они выпадают из ее трясущихся рук.

М е д е я *(в панике)*. Что же теперь?! Господи! Что делать?! Что я должна сделать?! Что я сейчас должна сделать?!

Она бежит вокруг стола и собирает бумаги. Вдруг слышит, как кто-то открывает дверь. Медея останавливается, прислушивается. Сзади раздается голос Марека.

М а р е к . Медея!

М е д е я . Господи, Марек! Он не должен этого видеть! Ему нельзя ничего знать... он бы мне уже никогда не верил!

Она подбегает к выключателю и гасит свет. В комнате полумрак. Согнувшись, она стоит в темном углу своей комнаты. Слышно, как Марек ходит взад-вперед по гостиной.

М а р е к . Медея, где ты? Тут темно.

М е д е я . Марек, зажги, пожалуйста, лампу в гостиной.

М а р е к . Эту лампу? А разве она не испорчена?

М е д е я . Ты же ее починил.

М а р е к . Починил, говоришь... Разве я починил ее?

Марек зажигает лампу. Короткое замыкание. Фыркает электричество. Слышно, как на пол падает тяжелое тело. Медея подходит к открытой двери, входит в гостиную.

М е д е я (вскрикивает). Марек! (Начитает громко стонать.) Марек...

Она медленно возвращается в комнату, ложится в постель. Полумрак сменяется полной темнотой. Через некоторое время начинает светать. Раннее утро. На кровати лежит женщина с прилизанными седыми волосами. Она похожа на Марину Бегулову, но это Медея. Медея потихоньку встает. На ночную рубашку надевает плащ-болонья, на голову – шляпу. Уходит. Свет гаснет.

ДУХ ТВОРЕНИЯ

Действие происходит на чердаке. Слышны звуки, стук, грохот – кто-то споткнулся и чертыхается. Сквозь маленькое чердачное окошко проникает немного света. В слабом освещении видны протянутые веревки для сушки белья. По бокам, слева и справа, лежат ненужные вещи, ящики с книгами, стоит старый чемодан. В ящиках роются двое мужчин, это Молодой критик и Старый критик.

С т а р ы й к р и т и к . Ну, ты что-нибудь нашел?

М о л о д о й к р и т и к . Пока ничего. (С книгой в руке.) Смотри, «Кавалер золотой звезды», Семен Бабаевский. Какой-то русский...

С т а р ы й к р и т и к . Да, в свое время это была популярная книжка, на словацкий перевели ее еще в пятидесятые годы... Но оставь ее, у нас нет времени. Скажи, откуда ты взял, что рукопись должна быть на этом чердаке?

М о л о д о й к р и т и к . Лукаш сказал.

С т а р ы й к р и т и к . Знаю, что Лукаш. Но он-то откуда это взял?

М о л о д о й к р и т и к . Он знает.

С т а р ы й к р и т и к (ворчливо). Он знает... Как же так: я это знал, и он знает, интересно...

М о л о д о й к р и т и к . Что в этом интересного. Это сказал ему лечащий врач, когда он был на антиалкогольном лечении. Врач - симпатичный парень, интересовавшийся

литературой. В клинике он проводил психиатрическое исследование зависимости писателей от алкоголя, изучал обусловленность поэзии наркотиками...

Старый критик. Тоже мне тема... Тогда можно изучать и алкогольную обусловленность строительного ремесла, ведь каждый каменщик в смену выпивает, чтобы стена была ровнехонька...

Молодой критик. Не знаю, возможно.

Старый критик. А что, Лукаш уже излечился?

Молодой критик. Откуда мне знать. Кажется, глушит по-прежнему. А там, кто знает. Вроде подружился с этим врачом, и тот ему рассказал историю из литературной жизни, которая имела место в семье. У его отца, тоже известного психиатра, когда-то лечилась Марина Бегулова. Тогда она была уже не в себе. А потом, когда она умерла, некая женщина принесла ему ее рукопись. Она оказалась подругой Марины. Марина передала ей рукопись еще при жизни, ибо опасалась, что эта вещь не будет опубликована, и хранить ее у себя небезопасно. Она чего-то боялась. А чего – нам не дано знать.

Старый критик. Однако чего она могла опасаться?

Молодой критик. Может, дело касалось политики?

Старый критик. Должно быть, она сама себя боялась. Чувствовала, что потихоньку теряет рассудок.

Молодой критик. Думаешь? Неужто что-то вроде того? Н-да... Ну а потом случилось так, что семья этой женщины решила эмигрировать. Вот она и принесла рукопись старому психиатру. Он взял ее, но когда дома перебирали библиотеку, рукопись вместе с книжками отослали на чердак этого старого дома. Сюда никто не заходит, дом идет на продажу. И нынешний психиатр, сын того старого, уже покойного, полагает, что рукопись находится именно здесь, хотя отец никогда ничего определенного ему про это не говорил...

Старый критик. Занятная история. Однако правдива ли она, ведь у Лукаша довольно буйная фантазия...

Молодой критик. Но это он не выдумал, ручаюсь тебе. Это связано и с дальнейшим ходом событий...

Старый критик. Что ты имеешь в виду?

Молодой критик. Речь, главным образом, о Медее... Она исчезла, ты разве не слышал? И никто не знает, где она.

Старый критик. Этого я не заметил... Медея?

Молодой критик. Она куда-то исчезла.

Старый критик. Ну, хорошо, потом про нее расскажешь, а теперь давай искать рукопись, пока не стемнело.

Молодой критик. Как угодно. Я буду искать по левую сторону, ты – по правую. И рукопись мы наверняка найдем. Лукаш считает, что она бесспорно здесь.

Они опускаются на колени и начинают проглядывать ящички, выбрасывая из них книги.

Старый критик. Мне кажется, что здесь уже кто-то рылся...

Молодой критик. Сомневаюсь, это же не общественный архив.

Скрипит и хлопает чердачная дверь, в нее протискивается большая фигура поэта Лукаша. В руке у него журнал.

Лукаш. Вы здесь? Где вы?

Молодой критик *(выглядывает из-за ящичка)*. Здесь мы, не видишь?

Старый критик *(выглядывает из-за другого ящичка)*. А кто тебя сюда впустил?

Лукаш. Темно, хоть глаз выколи. Пойдите, зажгу свет. *(Лукаш идет к стене, нажимает выключатель, загорается маленькая лампочка.)* Хочу вам кое-что прочесть.

Молодой критик. Что там еще?

Лукаш. Или вы это уже читали? Стихотворение? Ты читал? Ну, это нечто...

Старый критик. Ты о чем?

Лукаш. О стихотворении Марека. Когда месяц назад он мне сказал, что отдал в журнал стихотворение, я еще подумал, ну отдал, и хорошо, что отдал. А он говорит: Ты потом позаботься о нем. Не понял я тогда. А тут вдруг посмертная публикация, ну и ну! Это словно дитя, рожденное после смерти родителя.

Старый критик. Ты что несешь?

Молодой критик *(к Старому критику)*. Да, Марек на днях умер...

Старый критик. Марек?! Господи, такой молодой? Как же я не слышал про это? Хотя... писал я одно эссе и не выходил из дому... А что, собственно, случилось?

Молодой критик. Вроде несчастный случай, якобы его ударило током. Точные обстоятельства смерти никому не известны. Нашли его в квартире Медеи, он якобы пришел к ней что-то отремонтировать. Иногда он этим занимался, даже ко мне как-то раз приходил, что-то начал, да так и бросил... А-а, что теперь... Когда его нашли, Медеи в квартире не было. С тех пор о ней ни слуху, ни духу.

Лукаш. А вот стихотворение вышло, он все-таки опубликовал стишок... Роковой, смерть сразила его, понятно вам? Бедняга Марек... *(Смотрит в журнал.)* «Стихотворение для Медеи» – он дал ему такое название.

Старый критик. А что, между нами что-то было?

М о л о д о й к р и т и к . Откуда мне знать... *(Вопросительно к Лукашу.)* Луки?

Он смотрит на Лукаша, тот недоуменно качает головой и начинает вслух читать по журналу стихотворение. Критики сидят на ящиках.

Л у к а ш .

бродит по округе	женщина чудная
на голове шляпа	она немая
зверь дескать	огромная собака
спит в пещерах	кормится с нею

близко к солнцу	верхушки гор
брат сестра	зверь месяц
женщина сходит	в долины
раз в год	является людям

с этой собакой	именно с нею
лежат они где-то	где-то ночуют
в тоннелях путей	в опустелых депо
в клубке тишины	ждушие поезда

придет патруль	они уйдут навсегда
немая женщина	медея
усталая женщина	медея
уже не проснется	уже не встанет

вижу сейчас	сиянье третьего ока
весь мир	было и не было
цветок	в устах немых
одуряюще пахнет	

Л у к а ш . Вы ощущаете? В этих строках слышен голос Марека.

М о л о д о й к р и т и к . Хорошее стихотворение. Н-да... Он его написал... для Медеи?

Л у к а ш . Цветок в устах немых одуряюще пахнет... Это она... Но и он. Они тут оба.

С минуту стоит тишина.

С т а р ы й к р и т и к . А откуда известно, что это о ней? Может, это послание античной Медее.

М о л о д о й к р и т и к . Предположим, но там с ней собака. Возле античной Медеи собаки не было.

С т а р ы й к р и т и к . А что если это Ясон или его дух?

М о л о д о й к р и т и к . Нет, не думаю. *(Поворачивается к Лукашу.)* Луки, у Медеи была собака?

Л у к а ш . У античной?

М о л о д о й к р и т и к . Нет, у нашей.

Л у к а ш (*задумывается*). Пожалуй, нет, не было.

С т а р ы й к р и т и к . Вот видишь.

М о л о д о й к р и т и к . Что «вот видишь»! Это же поэтическая метафора. Это может быть и кулон на цепочке. Маленький пёсик... какой-нибудь пуделёк...

С т а р ы й к р и т и к . При ее агрессивности это скорее питбуль.

Критики отворачиваются друг от друга.

Л у к а ш . Друзья, а вы-то что здесь делаете?

М о л о д о й к р и т и к (*удивленно*). А ты не помнишь? Ты же сам нас направил сюда. И дал ключи от дома. Сказал, что мы найдем здесь рукопись романа Марины Бегуловой.

Л у к а ш . Но не здесь. Вон там, напротив, в том старом чемодане. Я уже вчера туда заглядывал. Рукопись в чемодане.

С т а р ы й к р и т и к . Ты здесь был? Чего же ты молчишь, болван!

Оба критика вскакивают и припускаются к чемодану. Молодой критик пытается открыть чемодан. Старый критик пинает его ногой. Чемодан разваливается. Из него выпадает разный хлам. Среди хлама и сверток с рукописью.

М о л о д о й к р и т и к (*радостно*). Вот она! (*Хватает рукопись, читает название на титуле.*) День в небытии.

С т а р ы й к р и т и к . Покажи... (*Берет у него рукопись, оцупывает ее, читает.*)
Марина Бегулова: День в небытии. Это то самое.

Л у к а ш . Вот видите, я же говорил, что рукопись Марины Бегуловой найдется здесь, на чердаке. Пожалуйста! А теперь, когда вещь нашлась, мы могли бы и куда-нибудь завалиться. Отметим бы находку.

С т а р ы й к р и т и к . Ведь ты теперь трезвенник.

Л у к а ш . Я? Никогда в жизни!

С т а р ы й к р и т и к . Мы, конечно, это дело отметим, но поначалу хотим рукопись Марины Бегуловой сравнить с романом Медеи. А потом и с другими произведениями обеих. Нам предстоит проделать глубокий сравнительный разбор текстов, волынка месяца на три.

М о л о д о й к р и т и к . По-моему, уже только по этой рукописи можно точно сказать, что роман Бегуловой Медея читать не могла. А этот знаменитый чемодан! Это же был просто

камуфляж. Я напишу об этом большую статью. Необходимо все объяснить и извиниться перед автором.

Старый критик. Перед каким? Перед Мариной?

Молодой критик. Ну, перестань! Перед Медеей, конечно.

Лукаш. Знаете, я скажу вам с полной ответственностью, что здесь два абсолютно различных текста, в них нет ничего общего, кроме названия.

Старый критик. Ты что, уже изучал их? Когда ты успел их прочитать?

Лукаш. Мне достаточно было взглянуть на них. Я прочел в романах первую и последнюю фразу. В каждом произведении - совершенно иной дух!

Молодой критик. Дух времени?

Лукаш. Дух творения. Творение остается. Книги остаются.

Старый критик (*бормочет с иронией*). Вот оно что... какой ты умный...

Лукаш. Дух творения остается. Это повод для того, чтобы помянуть их обеих, Марину и Медеею. Вспомнить тех, кто был сплетен из нежных паутин, легких как комочек пыли. Достаточно было дунуть – и их нет как нет. (*Пауза.*) Я ухожу.

Он уходит.

Молодой критик. Постой, ты куда?

Лукаш (*в дверях*). В клуб.

Старый критик. А мы?

Лукаш. Идемте со мной.

Молодой критик. Пойдем с ним.

Старый критик (*Молодому критику*). Только не в клуб, там бы увидели рукопись... пошли в другое место.

Молодой критик (*Лукашу*). Пошли в другое место.

Лукаш (*решительно*). Тогда айда к Антоновскому.

Все трое торопливо спускаются с чердака. Молодой критик выключает свет. Спустя минуту в сумраке вырастает фигура в плавках, похожая на Марека. Незаметная до сих пор фигура, пригнувшаяся среди хлама, начинает прыгать между ящиками и старыми вещами, потом вновь пригибается и застывает. Дух творения.

КОНЕЦ